

жизни: требования («просьбы») городских властей привести дворы и тротуары в порядок нарочито грубо игнорировались [1, № 48].

Отголоском Корниловского мятежа и новым форматом организации пространства и времени в российской глубинке стало введение военного положения в Пензенской губернии («в связи с восстанием генерала Каледина на Дону»). В городах запрещались всякие собрания и митинги на улицах и площадях, время работы увеселительных заведений ограничивалось 11 часами вечера [1, № 89]. Как известно, решение было запоздалым, и ограничить рост погромных настроений ни в Пензе, ни в уездах не удалось. По сообщениям Вестника Пензенского Губернского Исполнительного Комитета и комиссариата от 28 октября 1917 г. «Погромное движение охватило уезды губернии. Так, в Наровчатском уезде нетронутыми остались лишь 10 имений, все остальные разгромлены в большей или меньшей степени. Есть убитые и раненые» [1, № 110]. Этот же день можно считать завершением «революции по телеграфу» в Пензе: в этом же номере Вестника была опубликована телеграмма Временного правительства от 26 октября о штурме Зимнего дворца, заканчивавшаяся словами: «Первое нападение на зимний дворец в 10 часов вечера отбито» [1, № 110]. Наступило время самоорганизации экстремального хронотопа в новом политическом оформлении.

Библиографический список

1. Вестник Пензенского губернского Исполнительного комитета. 1917.
2. Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. 1917.
3. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 1. С. 28-38.
4. Пензенские губернские ведомости. 1917.
5. Сухова О.А. Право на насилие: российское крестьянство в революции 1917 г. (по материалам Пензенской губернии) // Центр и периферия (Саранск). 2016. № 2. С. 4-10.

Е.О. Попович

Казанский (Приволжский) федеральный университет

«НЕВЫЯВИВШЕЕСЯ ПОКОЛЕНИЕ»: ОПЫТ ВОСПИТАНИЯ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В ДЕТСКИХ ДОМАХ ТАССР В 1920–1924 ГГ.

Одной из сложнейших задач, решение которых, по сути дела, знаменовало бы собой завершение строительства коммунизма, признавалось воспитание нового человека. Ее трудность опосредовалась тотальным характером семейного воспитания, мешавшего людям будущего позитивно воспринимать большевистские проекты. Поэтому задача вырвать ребенка из буржуазной семьи, разглагольствования о которой внушали коммунистам

лишь отвращение [8], ставилась во главу угла всего воспитательного процесса. Но к концу Гражданской войны на просторах России оказались миллионы детей, вырванных из социально-семейных связей. Молодое советское государство получило уникальную возможность самостоятельно воспитывать из своих малолетних граждан образцовых «людей нового типа». Однако, как изящно выразилась нарком государственного призрения и автор теории стакана воды: «Старое – негодно, новое еще не выявляется» [5]. Намерение сформировать субъекта социальной трансформации было прокламировано в новой программе партии лишь в 1919, поэтому утверждение концептуальных подходов и создание инфраструктуры на основе педагогических воззрений идеологов марксизма явно отставало от темпов прироста числа беспризорников, а основными экспериментальными площадками становятся детские дома и детские колонии [4].

Если в имперское время на всю Казань приходится три детских дома, то на территории ТАССР в 1920-е годы их создается более двух десятков. Создаются и распределительные пункты, но в 1924 году остается лишь один распределительный пункт, который не справляется со своими функциями [3, оп. 1. д. 32]. В среднем, в каждом детском учреждении в Татарстане воспитывалось от 80 до 130 человек, но их число могло достигать и трех сотен [2, оп. 1. д. 3. л. 1].

Реализацию большевистского проекта в ТАССР осложнялась голодом в Поволжско-Уральском регионе. В 1921 году из ТАССР было эвакуировано 12 796 человек. Реэвакуация, начавшаяся осенью 1922, к маю 1924 года вернула в ТАССР 9 000 детей, что грозило обернуться крахом структуры социальной помощи. Число детей, все еще нуждавшихся в помощи, в 1924 году составляло приблизительно 60 % от общего числа детей» [3, оп. 1. д. 732. л. 3]. Большинство детей в детских домах – крестьяне, более половины – круглые сироты. В детских домах воспитывались русские, крышены, татары, марийцы в различных соотношениях (как правило, доминировали русские и татары).

Важнейшую роль в деле воспитания беспризорников играл штат детских домов и трудовых колоний. Он состоял из молодых сотрудников [3, оп. 1. д. 34. л. 3], находился в тяжелом материальном положении [3, оп. 1. д. 34. л. 4], отчего отмечалось расхищение имущества детских домов заведующими и штатом [7], оставление детей без присмотра [3, оп. 1. д. 45].

В 1922 году ситуация следующая: трудовое воспитание не охватывает всех детей [1, оп. 1. д. 732. л. 3], при проведении уроков в детских домах часто не получается организовать условия для получения знаний – отсутствует освещение по вечерам [3, оп. 1. д. 99. л. 36], недостает учителей и воспитателей [3, оп. 1. д. 99. л. 16], учебников [3, оп. 1. д. 45.], классы – маленькие и неукомплектованные стульями и партами [3, оп. 1. д. 35]. Для расширения кругозора воспитанников предполагается устраивать экскурсии на природу и в культурные места города, на производство, что не всегда получается реализовать в полной мере [3, оп. 1. д. 45]. Для обучения

детей предлагаются следующие предметы: родной язык и русский язык (распределение часов в пользу второго), математика, естествознание, обществоведение, пение [3, оп. 1. д. 35. л. 6]. Среди воспитанников отмечается интерес к пионерии [3, оп. 1. д. 64. л. 4]. Предпринимаются попытки наладить среди детей театральную работу [1, оп. Зл. д. 787а. л. 4], проводятся беседы на антирелигиозные темы [3, оп. 1. д. 35. л. 6].

После перевода детских домов в 1923-м на местное финансирование, количество детских домов значительно сокращается, снабжение существующих не налаживается. Не хватает элементарных вещей: водопровода и канализации, умывальников, мест для стирки белья [3, оп. 1. д. 35], дров для отопления помещений. Такие условия способствовали развитию эпидемий, мешали организовать учебный процесс [1, оп. Зл. д. 787а. л. 85]. И хотя для помощи беспризорникам властями и равнодушными гражданами устраивались агитационные мероприятия, делались отчисления, в газете Красная Татария регулярно публикуются материалы о том, что дети бегут из детских домов [6], на улицах появляется оборванная детвора [1, оп. 1. д. 732. л. 24].

Власти Татарии к 1924-му году не была выработана единая методическая практика работы с беспризорными детьми: на страницах «Красной Татарии» ведутся рассуждения о моральной дефективности [6], а в материалах по борьбе с беспризорностью на 1924-1925 год отмечается, что «намечаемая работа по борьбе с детской беспризорностью еще до сих пор недостаточно изучена» [1, оп. 1. д. 732. л. 3]. Особенно подчеркивается необходимость выработки единой методологии [1, оп. 1. д. 732. л. 3]. Это свидетельствует о беспомощности системы государственного воспитания в деле социализации беспризорников на момент перевода детских домов на местное финансирование [1, оп. 1. д. 732. л. 3].

Хотя большевики располагали уникальными организационными возможностями реализовать самые разнообразные идеи, потенциал их исканий основывался на энтузиазме педагогов и самих воспитуемых и не мог быть реализован автономно в условиях острого дефицита всех видов ресурсов. Утопичность идеи в совокупности с крайне неблагоприятными историческими условиями, обернулась по сути дела социальной катастрофой, в результате которой структуры социалистического общества оказались заполнены асоциальными представителями маргинальных субкультур.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ.) Ф. Р-3682.
2. ГА РТ. Ф. Р-5104.
3. ГА РТ. Ф. Р-900.
4. Зорин В.А. Детдома и детское коммунистическое движение // Сборник статей и материалов II Всероссийского съезда СПОН по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков. М: Отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних, 1926.

5. Коллонтай А.М. Письма к трудящейся молодежи. Письмо первое. Каким должен быть коммунист // Молодая гвардия. 1922. № 1-2. С. 136-144.

6. Красная Татария. 1924. №10. URL: http://rt-online.ru/wp-content/uploads/2016/01/10_16.05.1924.pdf.

7. Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М.: ИНИОН РАН, 2005. 172 с.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. URL: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Manifesto/manifesto.html>.

В.А. Вербовой

Самарский национальный исследовательский университет

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИТРОПОЛИТА ИОАННА (СНЫЧЕВА) В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ В 1990–1995 гг.

Одним из важнейших направлений деятельности митрополита Иоанна стала духовно-просветительская. В Куйбышевской епархии архиерей тоже уделял много внимания этой сфере, но в Санкт-Петербурге он смог проявить себя в большем количестве направлений, чем ранее. Стоит выделить две причины активизации духовного просвещения. Во-первых, после распада СССР произошло потепление государственно-церковных отношений, вследствие чего у РПЦ появилась возможность открывать свои структуры в различных сферах общественной жизни. Во-вторых, после деидеологизации государства в обществе возникла потребность в религиозно-философских учениях, которую Церковь могла использовать в целях укрепления своего влияния.

Митрополит Иоанн продолжал личный прием большого количества людей, как делал это в Куйбышевской епархии, несмотря на серьезные проблемы со здоровьем [4]. К нему приходили люди разного социального статуса, в том числе и простые верующие, но к каждому архиерей относился одинаково внимательно. Рассматривая проблемы верующих, он отличался неформальным подходом [3, с. 504].

Владыка не ограничивался личными приемами и часто выступал на публичных мероприятиях и в СМИ. Легендарными для горожан стали ежемесячные встречи митрополита Иоанна с общественностью в Концертном зале у Финляндского вокзала [10, с. 5]. На встречах он выступал по актуальным проблемам и отвечал на вопросы слушателей. Периодически для встреч использовались и другие площадки, например, 8 апреля 1993 г. он выступал в Доме писателей [10, с. 5].

В феврале 1991 года митрополит Иоанн выступил с инициативой основания православного философско-богословского общества, одной из главных задач которого бы являлось «формирование, распространение и исследование в обществе духовно-нравственных ценностей, православной тра-